

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Екатерины Алексеевны Пастернак на
тему: «Версификация Г. Р. Державина: метрика, рифма, строфика)»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература
и литературы народов Российской Федерации»

Диссертационное сочинение, представленное к защите Екатериной Алексеевной Пастернак, безусловно обладает главными достоинствами, обязательными для этого жанра: актуальностью и новизной. Поэтическое наследие великого русского поэта Гаврилы Романовича Державина, как ни парадоксально это прозвучит, до сих пор не становилось объектом системного стиховедческого описания и исследования, несмотря на то что о разных аспектах державинской версификации писали практически все крупнейшие специалисты по русскому стиху.

Причин этому немало, и наш диссертант не случайно начинает свое исследование с их обзора, посвятив первую главу своего сочинения главной, пожалуй, проблеме сегодняшнего державиноведения: положению с доступностью наследия Державина для читателя, в том числе и академического: ведь последнее собрание его сочинений, подготовленное Я. Гротом и называемое академическим с обязательными поправками на время, вышло в свет в 1864–1883 гг. и включало в свой состав далеко не всё, что было написано поэтом.

При этом, будучи первым изданием такого типа в России, гротовское собрание при всей его безусловной ценности как памятника истории нашей культуры (и филологии в том числе), ни в коей мере не может быть признано удовлетворительным ни с точки зрения текстологии, ни с точки зрения комментирования, не говоря уже о его труднодоступности для современного читателя.

Характерно, что последние годы, в ответ на острую потребность общества в державинском слове, в России было предпринято два «ухудшенных» переиздания гротовского собрания; об одном из них, вышедшем в московском издательстве «Народное образование» без единого примечания, диссертант справедливо пишет: «в 2015–2018 гг. вышло 10-томное собрание сочинений Державина, которое представляет собой урезанное и фактически испорченное издание Грота (например, в нём часто пропускается графическое разделение на строфы, в «Фонаре» дублируются две строфы, а в одном из томов Державину и вовсе безосновательно приписывается сочинение другого автора)» (с. 37), другое же, издаваемое в Казани (Собрание сочинений: [открытая серия] / Репр. изд. Казань и др.: ИПК «НП-Принт», 2017–), коллега даже не упоминает.

Нужно ли говорить, что для объективного научного описания, оперирующего статистическими методами и апеллирующего к созданию объективной картины развития стихового мира автора, подобное положение – то есть, по сути дела, отсутствие авторитетного издания литературного наследия – представляет серьезное, если не сказать непреодолимое препятствие, о чем и пишет диссертант. Следует напомнить, что серьезное изучение Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и многих других русских классиков как раз и началось с подготовки и издания их собраний сочинений – и именно на базе этих собраний.

Возвращаясь к Державину, можно констатировать, что вокруг его поэтического наследия существует целая мифология, развеять которую берется, наряду с решением других позитивных исследовательских задач, наш отважный диссертант. И надо сказать, ей это удастся вполне.

В качестве основного источника научного описания Пастернак вынужденно выбирает (ввиду отсутствия современного научного) прижизненное пятитомное издание «Сочинения» 1808-1816 гг., постоянно привлекая при этом для сравнения гротовское издание и более поздние публикации стихотворных произведений Державина, появившиеся в XX в.

В результате в диссертации проанализированы версификационные особенности 681 стихотворения поэта, то есть «все стихотворения, вошедшие в четыре части прижизненных «Сочинений Державина» (драматические произведения, содержащиеся в ч. 4, не учитывались); все произведения, которые принадлежат именно Державину ... и включены в академическое собрание сочинений поэта, подготовленное Я. К. Гротом, и произведения, впервые напечатанные Г. А. Гуковским в томе Державина в «Библиотеке поэта» (1933 г.), а также стихотворение «Князь Кутузов-Смоленской», впервые напечатанное А. В. Западным в томе Державина в «Библиотеке поэта» (1957 г.) (с. 48).

Подобное «конструирование» корпуса и работа с ним, разумеется, сильно затруднили выполнение исследовательских задач, стоявших перед диссертантом, но одновременно и сделали ее труд еще более инновационным и актуальным: по сути дела, таким образом попутно была решена еще одна важнейшая задача – был определен канонический корпус поэзии Державина.

При этом Екатерина Алексеевна, в отличие от своих именитых предшественников, рассматривавших стиховой мир Державина прежде всего как часть русской поэзии XVIII века, стремится описать его как динамическое целое, последовательно характеризуя особенности и эволюцию его метрики, строфики и рифмы в их неразрывной связанности.

В этом смысле необходимо особо отметить специальную главу, посвященную рифме Державина, и солидно фундирующий ее словарь рифм Державина, данный в приложении к работе, – по сути дела, отдельное самостоятельное исследование, щедро инкорпорированное диссертантом в текст работы.

При этом ряд конкретных замечаний о рифме Державина и его современников можно рассматривать как своего рода открытие – например, большинство новаторских идей, высказанных в главке о семантизированной рифме. Важное замечание делает диссертант также о принципиальном характере включения Державиным в рифму имен собственных (с. 181).

Тем не менее, как всякое серьезное исследование, диссертация Пастернак не только решает (причем вполне успешно) определенные задачи, но и ставит серьезные исторические и теоретические проблемы, на которых я остановлюсь во второй, полемической части отзыва. Пока же, завершая первую, с удовольствием констатирую, что, кроме неоспоримых актуальности и новизны сочинения, его автор демонстрирует прекрасное знание источников и исследовательской литературы, как отечественной, так и зарубежной, умение на основе этого знания формулировать и доказывать собственные научные выводы и гипотезы – в общем, демонстрирует подлинную научную основательность и зрелость.

Особый интерес представляют завершающие диссертацию солидные приложения: своды статистических данных и справочники, а также словарь рифм поэта, наглядно подкрепляющие положения работы – общим объемом более 200 страниц!

А теперь перейдем к самому интересному: к наиболее значимым и одновременно – спорным моментам рецензируемого сочинения, возникающим как правило там, где наша наука до сих пор не нашла однозначных решений. И в первую очередь это относится к трактовке сложных, «экспериментальных», как говорит диссертант, явлений державинской метрики.

Например, о так называемых размерах с переменной (диссертант называет ее вариативной) анакрусой. На с. 86 Екатерина Алексеевна справедливо говорит о важном месте трехсложников такого типа в поэзии Державина, справедливо называя его абсолютным лидером по их использованию среди современников. Это – очень важное наблюдение, поэтому непонятно, почему, определяя метрическую природу рефрена в стихотворении «На покорение Парижа», она трактует пятый стих – «Сверг злость ты душой» – как «стих с лишним слогом, или как хорейамб»: в соседстве с написанными разными дактилями остальными строфами, в том числе и рефренными, логичнее трактовать эту строку именно как факт перемены типа

анакрусы, и тогда перед нами оказывается строка двухстопного амфибрахия со сверхсхемным ударением на первом слоге.

В свете этого не совсем понятно, почему дальше стих «Воцарения Правды» определяется как «по-настоящему необычный» и даже «уникальный», хотя следом выясняется, что речь тоже идет о самом обычном трехсложнике с переменном анакрусой, причем вполне регулярном.

Далее, на с. 58, справедливо говоря об особом интересе поэта к дактилям, диссертант предлагает «особо отметить знаменитую “Ласточку”, написанную с необычными сбоями» (ниже, на с. 90, метрика этого стихотворения названа «по-настоящему необычной»). Но здесь, однако, дело не просто в «сбоях» (которые, кстати, стоило бы не просто констатировать, но и описать), а в том, что это необычное (особенно если сравнивать разные его редакции) стихотворение представляет собой образец еще более редкого явления: смещения в рамках одного текста двухсложных и трехсложных строк с переменными анакрусами; его называют или «смешанными метрами», или «стихами с переменной анакрусой» (Гаспаров).

Тут можно вспомнить, что В. В. Капнист даже попытался «исправить» ритмику державинского стихотворения, втиснув метрическое богатство «Ласточки» в тесные рамки четырехстопного ямба (переработка Капниста опубликована у Грота, том 1, с. 574–575). Вот что пишет последний: «Мы нашли между списками этого стихотворенія одинъ, писанный весь рукою В. В. Капниста и отличающійся размѣромъ отъ подлиннаго текста. Очевидно, что Капнисть, дорожа классическою правильностию формы, не совѣмь былъ доволенъ въ этомъ отношеніи пьесой Державина и, сдѣлавъ опытъ передѣлки ея на ямбическій ладъ, сохранилъ по возможности всѣ выраженія нашего поэта безъ измѣненія».

Наконец, на с. 63 Екатерина Алексеевна справедливо называет стихотворение Державина «Г. Озерову на приписание Эдипа» «одной из державинских версификационных жемчужин» (а на с. 92 однозначно относит ее к логаядам) и точно определяет его «экзотическую схему Амф3–Я4–Амф3–

Я4–Амф2», но при этом снова уходит от определения природы стиха – а ведь это тоже СПА, только, в отличие от «Ласточки» – «урегулированные», по терминологии В. Холшевникова.

Пасует Екатерина Алексеевна и перед стихотворением «Радуга», называя его метрику «очень необычной» (с. 93) и даже «не до конца урегулированным логэдом» («у поэта получился скорее вольный 3-сложник» (с. 113), хотя правильнее всего его тоже адресовать по ведомству СПА.

А вот трактовка стихотворения «Защитнику Петербурга» как написанного «сочетанием Я и Амф» (с. 76), то есть как неурегулированного СПА, вызывает большое сомнение, прежде всего потому, что некоторые строки его никак не поддаются силлабо-тонической интерпретации; скорее всего, здесь перед нами имитация раёшника.

Смущает диссертанта также обилие в некоторых стихотворениях сверхсхемных ударений и переакцентуаций, которые, как мы знаем, природы ямба не меняют (с. 98 и далее), но вполне заслуживают того, чтобы на это явление обратить особое внимание – что, собственно, автор работы справедливо и делает. Смущает только однозначная трактовка повышенной ударности как явления чисто фонетического, а не одновременно фонетического и ритмического.

Далее, на с. 76. диссертант предлагает интерпретировать стих «На смерть Катерины Яковлевны» как силлабический. Однако силлабическая дисциплина в этом стихотворении не выдержана, и правильнее было бы, наверное, усматривать в основе его метрики скорее тоническую в своей основе попытку имитации народного стиха – в полном соответствии с пониманием его природы в то время.

Кстати, когда на с. 84 говорится о неклассических размерах, не совсем понятно, какие именно типы стиха исследователь относит к этой рубрике: у разных исследователей в нее попадают разные факты (так же как неясно, что Пастернак относит к «метрическим экспериментам» на с. 89). Например, некоторые относят к неклассическим метрам логэды, которыми, по

утверждению Пастернак, Державин «заинтересовался» достаточно поздно. Диссертант утверждает: «Все логаяды, абсолютно точные или почти правильные (“Весна”, “На безбожников”, “Осень”, “Радуга”), написаны им в 1804–1806 гг.» – и сразу переходит к описанию их строфики. А между тем самое интересное здесь – именно метрика.

Прежде всего, «абсолютно точные логаяды» – это действительно логаяды, а вот для «почти правильных» хорошо бы найти более точное название – тем более, что это явление встречается в русской поэзии, особенно современной, достаточно часто. Мы в свое время предложили называть подобные композиции, составленные из традиционных силлабо-тонических стоп и ориентированные на создание не природы, а скорее образа логаядического стиха, квазилогаядами (а не «похожие на логаяды» и «почти логаяды» (с. 93)). И очень важно, что свое начало они берут именно в творчестве Державина, не знакомого с законами античной метрики или, точнее, знавшего о них понаслышке.

И тут важно вспомнить, что на рубеже веков, незадолго до отмеченного в диссертации интереса поэта к этой форме, появляются – причем с четким теоретическим обоснованием – первые русские «точные» логаяды – прежде всего, у Востокова и других так называемых «радищевцев». Есть все основания полагать, что интерес Державина к новой для русского стиха метрической форме так или иначе связан именно с этими опытами – так же, как его другие попытки переводов и подражаний античной метрике – например, Пиндару, или уникальная композиция «Полигимнии», по поводу которой Пастернак пишет, что ее автор «случайно пишет как тактовик» (с. 127). Мне доводилось писать об этом явлении в недавней статье (Особенности стихосложения античных переводов Державина // Г. Р. Державин и его эпоха: сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции филологического факультета / Отв. ред. В. В. Молчановский, Е. К. Петривняя. М., 2013. 304 с. С. 35–45), которую я, к сожалению, не нашел в замечательном списке литературы, завершающем диссертацию.

Впрочем, как и статью о месте холостых строк (вайзе) в творчестве Державина, о чем в рецензируемой работе написано очень много интересного – намного больше, чем у меня (Холостые строки в поэзии Державина // Державин глазами XXI века. Казань: КазГУ, 2004. С. 114–123). По данным нашего диссертанта, холостые строки участвуют в образовании многих оригинальных строф поэта.

Вообще, в анализе строфики Державина проблем и спорных случаев у диссертанта намного меньше, и с поставленной задачей: «во-первых, проанализировать, как именно устроены «обычные» строфы Державина, есть ли там что-то необычное в плане рифмовки и метрики, во-вторых, пристальнее посмотреть на устройство его оригинальных строф» (с. 105) – соискатель справляется вполне успешно, прозорливо отмечая основные особенности чрезвычайно разнообразного державинского «строфотворчества». Некоторое сомнение вызывает только большая доля в материале стихов, «написанных без какого-либо деления» (с. 61 и далее). Очевидно, что диссертант таким образом избегает названия таких стихов астрофическими, и это правильно: в одних случаях (их у Державина большинство) отсутствие графического деления текста на строфы маскирует вполне регулярные катрены или другие вполне традиционные строфические конструкции, в других дело обстоит сложнее; эта проблема подробно рассмотрена в «Основах современного стихосложения» Олега Ивановича Федотова. В любом случае, автору стоило бы повнимательнее присмотреться к державинским «псевдострофам» (Федотов) и дать их хотя бы предварительную классификацию.

Наконец, несколько мелких, но важных замечаний, в основе своей – стилистических. Так, диссертант почему-то несколько раз называет пятую часть (то есть пятый том) «Сочинений» Державина 1816 г. «сборником». Вряд ли имеет смысл называть спорадические рифмы «случайными»: с легкой руки В. Холшевникова это понятие закрепилось в первую очередь за стихоподобными явлениями прозаической речи.

Не вполне понятно, что имеется в виду под «нарушением строгих правил абсолютно классического сонета», особенно когда в виде примера следом приводится вполне привычная, особенно для русской традиции, сонетная схема. Наконец, Екатерина Алексеевна явно злоупотребляет термином «эксперимент», относя к нему практически все отклонения от строгого силлабо-тонического канона – то есть, в случае Державина, больше половины его стихотворений.

Далее, на с. 143 диссертант категорически утверждает, что к слову «холмы» «подобрать точную рифму нельзя», хотя стоит открыть словарь рифм и увидеть... ну, хотя бы «долмы»! Несколько раз в работе утверждается, что «как и положено традиционному сонету, он написан Я6», хотя в более поздней русской поэзии этот размер практически вытесняется Я5.

Неловко звучат в работе некоторые фразы – например, словосочетание «зарубежные произведения» (с. 161 и далее). Смущает также нечеткая формулировка: «Произведение Брауна написано размером, напоминающим вольный ямб» (с. 177) – так всё-таки каким размером написано это стихотворение?

Разумеется, высказанные замечания носят в основном частный характер и ни в коей мере не умаляют значимости диссертационного исследования в целом, которое, как нам кажется, после некоторой доработки стоило бы опубликовать в виде монографии, особенно учитывая дефицит серьезных работ по стихосложению Державина.

Так что диссертация вполне отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена

согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель **Екатерина Алексеевна Пастернак** в полной мере заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации»

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
Ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории
мандельштамоведения Института филологии и истории РГГУ (Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Российский государственный гуманитарный университет»

ОРЛИЦКИЙ ЮРИЙ БОРИСОВИЧ

25.11.2022.

Подпись сотрудника учебно-научной лаборатории мандельштамоведения
института филологии и истории РГГУ Ю.Б. Орлицкого удостоверяю:

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.08 - Теория литературы, текстология

Адрес места работы: 125047, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д.6, институт
филологии и истории, учебно-научная лаборатория мандельштамоведения.

Контактные данные организации: +7 (495) 250-61-18; +7 (495) 250-68-68;

e-mail: rsuh@rsuh.ru

Тел.: +7 (495) 250-63-69, +7 (916) 571-42-00, e-mail: ju_b_orlitski@mail.ru